

ОТЗЫВ

о диссертации

ЛЕОНТЬЕВОЙ ТАТЬЯНЫ ВАЛЕРЬЕВНЫ

«Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык (Екатеринбург, 2015)

Исследование Татьяны Валерьевны Леонтьевой осуществлено в русле современных этнолингвистических изысканий, которым присущи комплексность и антропоцентричность. Теоретические основания диссертации обширны, подробно описаны во Введении: основными являются работы московской этнолингвистической школы Н.И. и С.М.Толстых, труды сотрудников сектора этнолингвистики Института славяноведения РАН, а также школы, сложившейся в Уральском федеральном университете. Актуальность диссертации заключается в том, что комплексному рассмотрению подлежит русская диалектная лексика социальной регуляции. То, что мотивационное своеобразие данной тематической группы не было предметом анализа, составляет новизну исследования. Теоретическая значимость работы заключается в рассмотрении лексических множеств, объединенных на основании присутствия общего семантического компонента или в презумптивной, или в ассертивной части значения слова. Целью работы было «выявление семантико-мотивационного своеобразия русской диалектной и общенародной лексики, характеризующей явление социальной регуляции неинституционального типа в народной крестьянской культуре» (с. 28). Практическая значимость диссертации заключается в развитии прикладной лексикографии, возможности совершенствования полевых диалектологических и сопоставительных этнолингвистических исследований.

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка литературы. Во Введении автор формулирует цели и задачи, обосновывает актуальность, новизну, методологическую, теоретическую и практическую значимость исследования. Автор вслед за С.М. Толстой анализирует системные связи в языке, сочетая выявление регулярных семантических отношений в лексике и индивидуальное «портретирование» слова (с. 21). Рассмотрение мотивации позволяет выявить и реконструировать представления человека о мире. Когнитивные ассоциативные операции автор описывает с помощью терминов *предметно-тематический код* (с. 22) и *мотив* (с. 23). Содержание термина *мотив* трактуется как «семантическое основание сближения двух понятий, образов» (с. 23). Мотивы выстраиваются в иерархию, что позволяет описать структуру представлений носителя диалекта о том или ином фрагменте внеязыковой действительности. Поскольку в центре внимания — мотивационно-семантическое поле, автор показывает, что оно обнаруживает различную номинативную плотность: центр и периферию. Материал исследования — лексика и фразеология, в которых отражена социально-регулятивная сторона отношений в традиционной культуре. В качестве источников автор избрал диалектные словари, картотеки Словаря говоров Русского Севера Уральского федерального университета и Словаря русских народных говоров Института лингвистических исследований РАН, полевые записи кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета. В качестве методов были применены фронтальный просмотр словарей, электронных баз данных, семантико-мотивационная реконструкция, идеографический, компонентный этимологический анализ, анализ контекстной семантики и

дефиниций. Убедительно выбраны четыре поля, на основе рассмотрения которых выявляются социально-регулятивные отношения в обществе: *обычай*, *гощение*, *коллективная работа* и *обучение*.

В первой главе «Полевой аспект исследования лексики социальной регуляции» анализируется ключевое понятие и рассматривается состав диалектной лексики, объединенной данным значением. Иерархическое устройство общества выражается в различных статусах, которые присваиваются в традиционной культуре людям в зависимости от места в иерархии. Автор убедительно выделяет группы лексики: субъект регулирования жизни общины, регуляторы, необрядовое социальное взаимодействие, объект регуляции, социальная регуляция, что сопровождается потребностью в соответствующих номинациях и в разных формах речевого поведения. Социально-регулятивный компонент значения, как показывает Т.В.Леонтьева, или является частью сигнификата, или представляет собой коннотацию.

Вторая глава «Обычай как семантический мотиватор поля социальной регуляции в русской языковой традиции: слово и понятие» является центральной. Т.В.Леонтьева подробно и глубоко анализирует значение слова *обычай* по словарям. В его семантике по данным словарей литературного языка выделяются девять значений, с семами 'закон', 'дело', 'занятие', 'правило', 'порядок'. Диалектные же словари дают более 90 единиц, обозначающих *обычай*. Сопоставление данных словарей показывает важность обычая для носителей традиционной культуры. Автор описывает нормативно-регулятивные, бытийные, ментально-психологические, субъективно-оценочные мотивы и отмечает важность темпоральной категории в семантике слова *обычай*, поскольку время мыслится здесь как циклическое, повторяющееся, что продемонстрировано, например, в анализе глагола *водиться* (с. 141). Чрезвычайно интересен разбор семантики слов *нрав* и *мода*, хотя значение последней единицы скорее связано со старой, уже не актуальной, или новой традицией. В данной главе Т.В.Леонтьева показывает свое умение не только работать с лексикографическими источниками, но и плодотворно сочетать диахронное и синхронное рассмотрение семантики.

С нашей точки зрения, автор чрезвычайно удачно выбрал два семантических поля, определяемых обычаем: досуг — *гощение* и *совместный труд*. В третьей главе «Лексика гощения как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции», Т.В.Леонтьева показывает, ссылаясь на Э. Бенвениста, как изменилось восприятие гостя, первоначально мотивированное оппозицией *свой/ чужой*. Диалектная лексика отражает конвенциональную природу процедуры визита в гости и приема гостей: праздничные и бытовые гощения, отклонение от принятых правил, а в некоторых случаях амбивалентность восприятия незваного гостя, который может восприниматься хозяином негативно или позитивно. Лексика гощения рассмотрена как имеющая левую и правую мотивацию. В первой подгруппе для единиц с прозрачной внутренней формой выделяются семь кодов: пространственно-временной, кулинарно-гастрономический, социально-коммуникативный, речевой, обиходно-бытовой, мифологический, визуальный и метеорологический. Говоря о гощении, автор различает обрядовые и необрядовые, более свободные формы, описывает роли и поведение гостя и хозяина. Чрезвычайно удачно описан фрейм гощения: актанты, их атрибуты, предикаты, сирконстанты (с. 168-169), место хозяина и гостя, ритуал потчевания гостей. Помимо предсказуемых кодов материал в интерпретации автора обнаружил неожиданные зрительные (глагол *заглянуть* в значении 'пойти в гости') и метеорологические мотивации (*вихорная баба* в значении 'женщина, которая беспрестанно бежит по гостям или по чужим домам'). На наш взгляд, недостаточно освещенным осталось лишь приглашение в гости и ситуации визитов без приглашения, как, например, при колядовании.

Четвертая глава «Лексика трудовых отношений как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции» раскрывает диалогическую, состязательную,

природу трудовых отношений в традиционной культуре. Т.В.Леонтьева приходит к выводу о том, что тематически сферы коллективного труда — это обмолот, жатва, кладка печи как наиболее тяжелые формы работ. Убеждает данное на с. 263 предложенное автором определение коллективной помощи, которая является бескорыстной, и не предполагает оплаты, осуществляется «в трудоемких хозяйственных работах». Подробно описано, как в диалектном материале отражены такие качества как трудоспособность и немощность, умелость и неумелость, трудолюбие и тунеядство. Помимо номинаций первого и последнего в работе показано, что в традиционной культуре обращалось внимание также на слаженность как на умение работать в коллективе. Диалогическая природа помощи находит отражение в созывании работников. Поскольку быт традиционной общины в значительной степени претерпел изменения, автор выделяет и пласты актуальной и архаической лексики.

В пятой главе «Лексика обучения как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции» автор обращается к процессам формирования социально-регулирующей семантики. Модель для описания включает: действие, объект, субъект, атрибуты, результат. Обучение и воспитание рассматриваются как процесс трансформации человека под воздействием воспитателя/ учителя. Разделяя типы обучения, автор показывает, что в качестве тьютора могут выступать родители, люди, не являющиеся родственниками, и даже социальная среда. Важными мотивами номинаций данного поля служат ориентир, норма, изготовление, обработка поверхностей, ограничение свободы. Метафоры обучения как обработки грубого материала, как усмирения, описанные Т.В.Леонтьевой, реализуются в номинациях предикатов обучения, например, *строгать* и необразованного человека: *нестроганный, суровый*. Автор показывает, каким образом обучение отражает миграционные процессы между деревней и городом, с одной стороны, а с другой, имеет локативные корреляты: глаголы, зафиксированные в Псковской области, образованные от топонима *Питер*, *натитериться, затитериться, натитерáчиться, натитерéть* включают социальный и локативный компоненты. Глагол, образованный от этнонима *русский*, *обрусеть*, записанный в Новосибирской области, означает 'стать культурнее'. Воспитание как приобщение к микросоциуму, маркирует сиротство как номинацию невоспитанности. Пространственная семантика воспитания связана с мотивом выбора жизненного пути. Мотивы ограничения свободы выражаются в метафорах запрягания, управления с помощью вожжей, заживания в тисках и кандалах. Коммуникативная диалогическая семантика реализуется в данном поле в предикатах, выраженных глаголами обучения, а также глаголами в значении 'остановить резким замечанием' → 'заставить вести себя иначе': *стювать, стюнуть, счунуть, чунуть, счувать, щувать, щунять, щунать, щунуть* (с. 309).

Цель поставленная автором диссертации, несомненно, достигнута. Т.В.Леонтьевна показывает, как, подобно мозаике, из фрагментов складывается единая система неинституциональной регуляции, действующая в традиционной культуре и отраженная в языке. О том, что данная система вполне осознается носителями традиционной культуры, свидетельствует анализ лексических единиц с левой и правой мотивацией, сложная система кодов внутри каждого семантического поля. Автор анализирует огромный массив лексики, более пятидесяти словарей. Т.В.Леонтьева вносит существенный вклад в когнитивистику. Важно, что выбранные для анализа единицы, организуемые в семантические поля, имеют диалогическую, коммуникативную, природу, формируя повседневное общение носителей традиционной культуры. У Т.В.Леонтьевой важнейшим понятием, которое оказывается связующим звеном в рассуждениях о материале, становится норма, что позволяет рассматривать как следование конвенциям, так и их нарушение, что в свою очередь определяет аксиологию внутри семантических полей *обычай, гощение, труд, обучение*. Следует также отметить обширнейшую научную эрудицию автора, прозрачный и логичный стиль, язык работы.

Вопросы, которые мы хотели бы задать автору:

- 1) В диссертации несколько раз говорится о прагматическом слое значения слова (с. 18). Какие факторы прагматического компонента значения относятся либо к презумпции, либо к ассерции?
- 2) В 5 главе говорится об обучении и воспитании. Следует ли разграничить эти качества человека, или же в рамках традиционной культуры эти процессы принципиально слиты и выделять специфику каждого из них нецелесообразно? Выявлены ли в анализируемом материале случаи, когда недостаточно образованный человек демонстрирует признаки воспитанности?
- 3) Какую роль играет в процессе обучения наказание, и какие лексические единицы выражают данное понятие в диалектном материале, проанализированном автором?

Несмотря на несомненные достоинства диссертации, мы можем отметить некоторые фрагменты, которые вызвали наше несогласие. Наши замечания сводятся к следующему.

Во-первых, на с.51 автор пишет о структуре лексического значения. Процитируем: «согласно концепции о структурированности лексического значения, о его иерархической организации, в значении лексических единиц можно выделить несколько частей, из которых центральной является ассертивная, в то время как пресуппозиционная часть содержит неосновные, подразумеваемые смысловые компоненты и условия правильного употребления слова». В лингвистической традиции принято опираться на логические основания выделения презумпции и ассерции в высказывании и семантике слова, поскольку только презумпция, в отличие от ассерции, не чувствительна к отрицанию. Между тем, автор опускает эту часть дефиниции.

Во-вторых, на наш взгляд, требует более серьезного обоснования исключение лексического поля *семья* из рассмотрения, о чем говорится на с. 64: «В рамках данного исследования к материалу были применены ограничения. Из числа объектов анализа были исключены лексические множества, соотносительные с неспецифичными для традиционной народной культуры способами и формами регуляции – социальными институтами (право, административно-правовое, уголовное наказание, семья)...». Мы видим в этом высказывании противоречие между границами предмета рассмотрения и его внутренней логикой. Важность концепта и лексического поля *семья* для анализа социальной регуляции в рамках традиционной культуры требует хотя бы нескольких предварительных замечаний, которые сделали более мотивированными рассуждения автора об обучении в пятой главе. Лексическое множество *семья* как бы «прорывается» в исследовательское поле, когда речь идет о воспитании и обучении.

В-третьих, определяя семантику слова *культура* автор ссылается на толкование ССРЛЯ: «совокупность достижений», «общность археологических памятников определенной эпохи», «уровень развития в какой-либо области», «образованность, воспитанность» (ССРЛЯ 5: 1827-1828). При этом автор пишет: «В семантике *литер. культура* преобладает статика» (с. 312). С таким высказыванием можно согласиться лишь частично, поскольку уже второе значение отражает динамичный аспект семантики данного слова: «*Спец.* Разведение, выращивание какого-либо растения; культивирование» (ССРЛЯ 5: 1828). Этимология данного слова также связана с возделыванием почвы и растений.

Ни вопросы, ни сделанные замечания не снимают нашей высокой оценки рецензируемой диссертации Т.В.Леонтьевой, которая является самостоятельным, тщательно проеденным глубоким исследованием, в котором вводится в научный оборот обширный объем диалектного материала.

Диссертация «Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции» отвечает требованиям пунктов 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, соответствует заявленной специальности, является научно-квалификационной работой, в которой решена крупная научная проблема, имеющая важное социально-культурное значение, а ее автор, Леонтьева Татьяна Валерьевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Фролова Ольга Евгеньевна,
доктор филологических наук,
зав. межкафедральной лабораторией
фонетики и речевой коммуникации
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

О.Е.Фролова

Адрес организации:
119991, РФ, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
филологический факультет
тел. (495) 939-32-77, факс: (495) 939-55-96;
E-mail: contact@philol.msu.ru

12 ноября 2015 года